

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/ТХVНКН>
УДК 398.87
ББК 82.3(=661)

СЮЖЕТНО-МОТИВНЫЙ СОСТАВ РУН МАТВЕЯ КОРГУЕВА В КОНТЕКСТЕ КАРЕЛЬСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

© 2023 г. М.В. Кундозерова

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии
наук, Петрозаводск, Россия*

Дата поступления статьи: 22 ноября 2022 г.

Дата одобрения рецензентами: 01 марта 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-232-255>

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР Карельского научного центра РАН (рег. № 121070800089-0)

Аннотация: Статья посвящена изучению карельских рун поморского сказителя-билингва Матвея Коргуева. Представлены результаты исследования, в задачи которого входило выявление в архивных и опубликованных источниках рун, записанных от Коргуева; определение их жанровой принадлежности, круга сюжетов и мотивов; анализ их особенностей в контексте карельской эпической традиции. Для сопоставления привлечены тексты 29 рун, содержащих сюжет «Поиски дерева для лодки», и 271 руны на сюжет «Пир в Пяйвёля» из опубликованных сборников и Научного рукописного архива КарНЦ РАН. Установлено, что от М. Коргуева было записано три руны, одна из которых — рукописный вариант 1938 г. — вводится в научный оборот впервые. Записи 1938 г. и 1941 г. являются вариантами эпической руны с контаминацией сюжетов «Поиски дерева для лодки» и «Пир в Пяйвёля», тогда как текст 1935 г. содержит лишь сюжет «Пир в Пяйвёля». Все тексты имеют оригинальную композицию, осложненную вкраплением мотивов из сюжетов «Состязание в сватовстве» и «Путешествие в Похьёлу». Текст 1935 г. содержит мотив рождения солнца из желтка, принадлежащий сюжету «Сотворение мира». Большинство выявленных мотивов являются традиционными для карельской эпической поэзии. Уникальными представляются мотивы отправления на женитьбу на ахкиво и женитьба незваного гостя, убившего хозяина пира, а также некоторые детали повествования.

Ключевые слова: карельские эпические руны, Матвей Коргуев, сюжет, мотив, циклизация сюжетов.

Информация об авторе: Мария Владимировна Кундозерова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, ул. Пушкинская, д. 11, 185910 г. Петрозаводск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5423-8709>

E-mail: maria.vlasova@mail.ru

Для цитирования: Кундозерова М.В. Сюжетно-мотивный состав рун Матвея Коргуева в контексте карельской эпической традиции // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 232–255. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-232-255>

¹ Благодарю Светлану Викторовну Подрезову, заведующую Фонограммархивом ИРЛИ РАН, за консультацию и помощь в поиске аудиоматериалов, записанных от М. Коргуева.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 3, 2023

PLOTS AND MOTIFS OF MATVEY KORGUEV'S RUNOSONGS IN THE CONTEXT OF KARELIAN EPIC TRADITION

© 2023, Maria V. Kundozerova

*Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy
of Sciences, Petrozavodsk, Russia*

Received: November 22, 2022

Approved after reviewing: March 03, 2023

Date of publication: September 25, 2023

Acknowledgements: The article has been prepared under assignment of research no. I21070800089-0.

Abstract: The article is devoted to the study of the Karelian runosongs of the bilingual storyteller of the White Sea, Matvey Korguev. The tasks of the study include the identification of runosongs recorded from Korguev in archival and published sources; determination of their genre affiliation, range of plots and motifs; analysis of their features in the context of the Karelian epic tradition. The texts of 29 runosongs containing the plot "Searching for a tree for a boat" and 271 runes with the plot "Feast in Päivölä" from published collections and the Scientific Manuscript Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences were used for comparison. It has been established that three runosongs were written down from M. Korguev, one of which (a handwritten version of 1938) is introduced into scientific circulation for the first time. According to a comparative textual analysis, the records of 1938 and 1941 are variants of the epic runosong with contamination of the plots "Search for a tree for a boat" and "Feast in Päivölä," while the text of 1935 contains only the plot "Feast in Päivölä." All texts have an original composition, complicated by interspersing motifs from the plots "Competition in matchmaking" and "Journey to Pohjola." The text of 1935 contains the motif of the birth of the sun from the yolk, which belongs to the plot "Creation of the World." Most of the identified motifs are traditional for Karelian epic poetry. Unique are the motifs for setting off to marry on an ahkivo and the marriage of an uninvited guest who killed the host of the feast, as well as some details of the narrative.

Keywords: Karelian epic runosongs, Matvey Korguev, plot, motif, cyclization of plots.

Information about the author: Maria V. Kundozerova, PhD in Philology, Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St. 11, 185910 Petrozavodsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5423-8709>

E-mail: maria.vlasova@mail.ru

For citation: Kundozerova, M.V. "Plots and Motifs of Matvey Korguev's Runosongs in the Context of Karelian Epic Tradition." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 232-255. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-232-255>

Матвей Михайлович Коргуев (1883, Кереть – 1943, Кереть) – поморский сказочник Карелии, являющий собой яркий образец сказителя-билингва. От него, помимо обширного репертуара на русском языке², были записаны карельские руны³, которые он усвоил от своей матери-карелки и ее родственников. Этот общеизвестный для исследователей факт упоминается в работах, так или иначе посвященных изучению сказочного репертуара сказителя [6, с. XLII-XLIII; 11, с. 66; 14, с. 189] или русской фольклорной традиции Беломорья, на которую М. Коргуев своим творчеством оказал непосредственное влияние [2, с. 243].

Исследователи ссылаются на разные источники, содержащие руны Коргуева. Например, Т.И. Сенькина, говоря о том, что, «к сожалению, собирателями записана от Коргуева только одна эпическая песня на карельском языке о Вайнямёйнене» [10, с. 89], указывает на архивную коллекцию фонда русского фольклора Научного архива КарНЦ РАН (далее – НА КарНЦ РАН)⁴. К.В. Чистов пишет, что М. Коргуев «пел карельские руны (одна из них опубликована в известном сборнике “Карельские эпические песни”» [14, с. 189]. Е.В. Марковская, описывая коллекцию наиболее ранних записей Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (далее – ФА ИЯЛИ), сообщает, что от М. Коргуева сохранилось «четыре отрывка рун на карельском языке» [4, с. 204]. В статье Н.Ф. Онегиной и М.Ф. Пахомовой говорится, что по просьбе фольклористов М. Коргуев «охотно исполнял на карель-

2 В рукописной коллекции русского фольклора № 47 Научного архива КарНЦ РАН (Ф. 1. Оп. 1) содержатся 122 сказки, одна былина, два пересказа былин, шесть новин, 15 лирических песен, один рассказ и одна баллада.

3 Фольклорные произведения калевальской метрики.

4 Ф. 1. Оп. 1. 47/111.

ском языке, например, песни и руны (одна из записей находится в фонотеке Пушкинского дома в Ленинграде)» [7, с. 3]. Противоречивость и неполнота информации побудили нас изучить архивные и опубликованные источники карельской рунической поэзии с целью определения точного количества записанных от Коргуева рун.

Творчеству М. Коргуева посвящены многие работы исследователей (см. библиографию в статье: [13]). В них довольно подробно анализируется жизненный путь, сказочный репертуар и исполнительское мастерство сказочника [12; 10, с. 62–124; 14, с. 179–210; 1, с. 230–248], выделяются характерные особенности повествования, среди них — «тесное взаимодействие в его сказках русского и карельского фольклора» [11, с. 65]. Карельские руны сказителя никогда не становились объектом изучения. В данном исследовании путем текстологического анализа рунических произведений М. Коргуева определим их жанровую принадлежность, состав сюжетов и мотивов, а также выявим их оригинальность путем сопоставления с рунами других карельских исполнителей. Это позволит, с одной стороны, уточнить круг сюжетов и мотивов рунической части репертуара М. Коргуева, с другой — восполнить лакуну в изучении рунической поэзии карелов Кестеньгского края⁵, поскольку даже в специальном сборнике, посвященном карельской песенной фольклорной традиции этого региона, имя сказителя и его руны ни разу не упоминаются [25].

В процессе исследования творчества М. Коргуева были выделены его основные карельские эпические сюжеты — «Поиски дерева для лодки» и «Пир в Пяйвёля» (известный также как «Песнь о Лемминкяйнене»). Первый из них не становился объектом изучения, тогда как сюжет о приключениях Лемминкяйнена / Каукомиели — непрошеного гостя на пиру — часто был в фокусе исследователей карело-финского фольклора. Более ранние работы посвящены поискам истоков и выявлению природы сюжета. В образе Лемминкяйнена видели и метафору солнечного света [18, с. 254–262], и фигуру Христа [19, с. 582], и египетского бога Осириса [16, с. 252–264]. Про-

5 Территория Кестеньгского края охватывает бывшие волости Кемского уезда Архангельской губернии: Олангскую, Кестеньгскую, Вычetaйбольскую, Керетскую, Ковдскую, Кандалакшскую, а также Кушевандский куст деревень Тихтозерской волости. Сегодня это территория Лоухского района Карелии и Кандалакшского района Мурманской области. К Лоухскому району относится село Кереть, родина М. Коргуева, и деревня Кушеванда, родина его матери.

исхождение руны связывалось с институтом шаманизма, таким образом, сюжет повествовал о сражении шаманов, представляющих два разных рода [22, с. 255]. Параллели к сюжету о приключениях Лемминкяйнена находили в мифологии сибирских народов [17, с. 68–81], в русских былинах [20], скандинавских сагах [15]. По мнению А.-Л. Сиикала, столь разные, порой противоречащие друг другу взгляды ученых объясняются тем, что в прибалтийско-финских рунах, связанных с путешествиями, соединяются древние мифы, героическая поэтика, элементы сказки⁶ и заговоры [21, с. 286]. Один из аспектов сюжета — диалог героя с матерью, в котором наряду с диалогами из других сюжетов заключается «интертекстуальная общность героико-мифологических рун», рассматривается в статье Э. Г. Рахимовой [9]. Образ страны Пяйвёля и вариативность сюжета рассматривались и в нашей работе [3, с. 137–143], однако варианты рун М. Коргуева 1938 и 1941 гг. не вошли тогда в круг анализируемых текстов (см. таблицу текстов: [3, с. 198–210]).

Для сопоставления рун М. Коргуева с карельской эпической традицией привлечены тексты рун, содержащих выявленные сюжеты: «Поиски дерева для лодки» (29 вариантов, годы записи: 1834–1947) и «Пир в Пяйвёля» (271 вариант, годы записи: 1820–1980) из опубликованных сборников [23; 24; 25; 27; 28] и НА КарНЦ РАН.

Изучение архивных коллекций из фондов НА КарНЦ РАН, ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН, Фонограммархива ИРЛИ РАН (далее — ФА ИРЛИ), Национального архива Республики Карелия (далее — НА РК) и опубликованных сборников карельского фольклора позволило установить, что запись произведений на карельском языке производилась от М. Коргуева трижды; каждый раз он исполнил по одной руне.

Текст руны М. Коргуева под названием «Каакомиэли в Похьоле» содержится в сборнике В.Я. Евсеева «Карельские эпические песни» 1950 г. [24, с. 27–29]. В примечании к тексту составитель пишет, что руна была записана от сказителя в 1935 г., в качестве архивного хранения указана коллекция № 7 финно-угорского фольклора НА КарНЦ РАН (Ф. 1. Оп. 2) [24, с. 492]. Однако в архивах оригинал этой записи не найден⁷.

6 О том, что руны о Лемминкяйнене восходят к богатырской песне-сказке, писал Е.М. Мелетинский: [5, с. 150–153].

7 Согласно Описи материалов национального (карельского и финского) фольклора НА КарНЦ РАН, коллекция № 7 была расформирована (сейчас она содержит материалы экспедиции в Медвежьегорский район в 1973 г.), а ее содержание было распределено по

Произведение под названием «Руна о Вяйнямёйнене» было записано от исполнителя 25 февраля 1938 г. сотрудницей КНИИК⁸ К.Ф. Беловой. Запись этого текста на карельском языке кириллицей хранится в НА КарНЦ РАН в рукописной коллекции русского фольклора № 47 (НА 47/111⁹). Данный текст никогда не публиковался, вводится в научный оборот впервые¹⁰.

Аудиозапись «руны на карельском языке о Вяйнямёйнене»¹¹ была произведена от М. Коргуева 9 января 1941 г. сотрудницей ИРЛИ АН СССР А.М. Астаховой и сотрудником КНИИК В.Я. Евсеевым на лаковые диски (ДЛ). Оригиналы этой записи хранятся в ФА ИРЛИ РАН (ДЛ 199–200) и в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН (ГП 136, запись неполная; ее частичные копии — ГП 98, 137). Текст этой руны опубликован дважды в сборниках В.Я. Евсеева: в 1976 г. [27, с. 194–196] и с переводом на русский язык в 1994 г. [23, с. 258–260].

Произведем текстологический анализ трех выявленных рунических произведений М. Коргуева и сопоставим их с вариантами других рунопевцев Карелии. При совпадении мотивов во всех трех текстах цитаты будут приводиться по тексту 1941 г., поскольку наличие аудиозаписи позволило нам сделать собственную расшифровку.

Все три текста повествуют о Вяйнямёйнене, который отправляется жениться:

коллекция № 9, 11, 150 (Ф. 1. Оп. 2). В них записей В.Я. Евсеева от М. Коргуева не было обнаружено. Был исследован также и личный фонд В.Я. Евсеева в НА РК (Ф. № Р-3717), в котором были обнаружены два текста: один из них — расшифровка аудиозаписи 1941 г. (Р-3717. Оп. 1. 7/75. Л. 45–47), а второй — некая компиляция, текст которой, несмотря на ссылку (боб. 98,7) и приписку «Проверить по грампластинке», с аудиозаписью не совпадает (Р-3717. Оп. 1. 7/78. Л. 20).

8 КНИИК — Карельский научно-исследовательский институт культуры (ныне — Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН).

9 Здесь и далее при цитировании НА КарНЦ РАН ссылка дается на Ф. 1. Оп. 1 (коллекция русского фольклора), если не указано иное. Первая цифра означает номер коллекции, через дробь — единица хранения.

10 В рамках подготовки данной статьи этот текст, как и два другие, был опубликован с переводом на русский язык в коллекции «Карельские руны» на электронном ресурсе «Открытый корпус вепского и карельского языков»: Текст № 4274 (Коллекция «Карельские руны» Открытого корпуса вепского и карельского языков ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4274> (дата обращения: 30.10.2022)).

11 В начале записи голос В.Я. Евсеева сообщает: «Сказитель-орденоносец Матвей Михайлович Коргуев. Руна на карельском языке о Вяйнямёйнене».

Aino on akalla poika,
ahkivolla naimah lähtöy.

(ДЛ 199–200: 1–2)

Единственный есть у женщины сын,
на ахкиво¹² жениться отправляется.

(Пер. М.В. Кундозеровой)¹³

Подобная завязка сюжета (о единственном сыне, отправляющемся на ахкиво жениться) является уникальной, соответствия ей в карельской эпической поэзии нами найдено не было.

Далее тексты 1938 г. и 1941 г. содержат эпизод о поисках дерева и изготовления из него лодки, который полностью отсутствует в тексте 1935 г. Согласно этому эпизоду, на третий день пути герой ударяет по дубу топором и спрашивает, годится ли он для лодки Вяйнямёйнена. Дуб отвечает, что не годится. Тогда герой идет дальше, на третий день опять ударяет по дубу топором и задает тот же вопрос. Дерево соглашается, что оно годится, и герой строит лодку, на которой отправляется в путь.

В карельской эпической традиции диалог, происходящий между героем и деревом, варьируется. Вопрос о годности дерева задается один-три раза. Троекратность действия может осуществляться также за счет того, что дерево ищут по очереди три героя, задавая по одному вопросу (SKVR¹⁴ VII₁ 105, КЭП¹⁵ 173). В текстах М. Коргуева первое дерево на вопрос отвечает отрицательно:

Ei tule puuta tästä puusta
venehekši Väinämöisen,
purrekši pojan pätoisen.

(ДЛ 199–200: 12–14)

Не годится это дерево
для лодки Вяйнямёйнена,
для челна бедного парня,

а второе — положительно:

Tulou puuta tästä puusta.

Сгодится это дерево.

12 Ахкиво — саамские (оленьи) сани; волокуша, керёжа [14, с. 316].

13 Здесь и далее перевод М.В. Кундозеровой, если не указано иное.

14 Здесь и в дальнейшем при цитировании сборника “Suomen Kansan Vanhat Runot” (SKVR) [28] римской цифрой указывается номер тома, подстрочной цифрой — номер книги тома, далее следует номер текста и после двоеточия (если есть) — номера стихов.

15 Здесь и в дальнейшем при цитировании сборника «Карельские эпические песни» (КЭП) [24] арабской цифрой указывается номер текста.

Tulou še puuta tästä puusta
venehekši Väinämöisen,
purrekši pojan pätoisen.
(ДЛ 199–200: 24–27)

Выйдет из этого дерева
лодка для Вяйнямёйна,
челн для бедного парня.

Довольно схематичные ответы лишены ярких, образных объяснений причин годности или негодности дерева. Для сравнения, в варианте, записанном от Архиппы Перттунена в 1836 и 1839 гг. в деревне Ладвозеро, дерево предостерегает, что из него не получится лодка, поскольку:

Kolmitsi tänä kesänä
mavot juureni mateli,
kolmitsi tänä kesänä
piru kierti keski puuta,
korpit kronkku latvoillani.
(SKVR I₁ 339: 12–16)

Трижды этим летом
черви у моих корней ползали,
трижды этим летом
черт огибал середину дерева,
вороны каркали на моих вершинах.

Лишь на третий раз герою попадается дуб, годный для создания лодки:

Kolmitsi tänä kesänä
mesi tippu lehvistänä,
päivä kierti keskipuuta;
kolmitsi tänä kesänä
käki kukku latvoillani.
(SKVR I₁ 339: 40–44)

Трижды этим летом
мед капал с моих листьев,
солнце огибало середину дерева;
трижды этим летом
кукушка куковала на моих вершинах.

В народных вариантах дуб оказывается негодным также потому, что ворона качалась на ветви (SKVR I₁ 659: 14) или кричала на середине ствола (SKVR I₁ 92: 82). Южнокарельский вариант о поиске дерева для кантеле, записанный от Валассия Иванова в 1901 г. в деревне Хлебнаволок (Ведлозерского (ныне Пряжинского) района), повествует о том, как кузнец встречает на пути дерево и спрашивает разрешения срубить его. Дерево отговаривает героя:

Mustu mado, juuril mado, Vuag' on lindu latvas laulo. (SKVR II 145: 27–28)	Черный червь на корнях обитал, птица Вуага на вершине пела.
--	--

Лишь третье дерево разрешает срубить себя, ведь

Kulda kägöi latvas kukkuu, kulda neitshoi juuril maguau. (SKVR II 145: 37–38)	Золотая кукушка на вершине кукует, золотая дева у корней спит.
---	---

В трех вариантах, записанных в 1936 г. в Южной Карелии в Пряжинском районе — в деревне Мултыкова Сельга от П.И. Сидорова (НА. Ф. I. Оп. 2. 111/12, 13), деревне Ребойла от Т.Е. Богданова (НА. Ф. I. Оп. 2. 111/3а) и деревне Сыссойла от П.Т. Прокопьева (НА. Ф. I. Оп. 2. 111/37), дерево, как правило осина, называет негодным не себя, а того, кто пришел ее срубить:

Hoi jo, sanou, vahnoi Väinämöine, ei tule sinus ven'oin vestäjää, kuaripuijen kalkuttajua! (НА. Ф. I. Оп. 2. 111/37: 46–48)	Ой ты, говорит, старый Вяйнямёйне, не получится из тебя лодочного мастера, упруги стругающего! (Пер. В.П. Мироновой [26, с. 121])
--	--

Герой в тексте М. Коргуева 1941 г., получив от дерева положительный ответ, изготавливает себе лодочку (в тексте 1938 г. мотиву изготовления лодки предшествует мотив срубания дерева) и отправляется в плавание. Такая же последовательность действий прослеживается и в вариантах других исполнителей. Однако, если дерево остается непреклонным, то от него откалывается щепка, которая становится материалом для изготовления мифических стрел — источника колик у животных и человека (SKVR I₄ 812, 814, 830, 855, 882, SKVR I₁ 342).

Приведенный начальный эпизод классифицируется как сюжет «Поиски дерева для лодки», который в карельской народной поэзии является довольно редким (20 вариантов записано в Беломорской Карелии, 9 — в Южной и Приладожской Карелии). В хронологическом плане большинство записей (24) было сделано финляндскими собирателями в XIX –

начале XX в. Советскими собирателями сюжет фиксировался в 1936–1937 гг. (4 варианта), последний вариант записан в 1947 г.

Таким образом, сюжет «Поиски дерева для лодки» в исполнении М. Коргуева является одной из редких и хронологически самых поздних предвоенных записей. Сюжет представляется довольно схематичным по сравнению с вариантами других певцов. Мотив отправления в путь на ахкиво является уникальным, тогда как остальные мотивы — трехдневного шествия, удар по дубу топором, диалог с деревом, изготовление лодки — соответствуют карельской эпической традиции.

Обратимся далее к текстам М. Коргуева. Изготовив лодку (а в тексте 1935 г. сразу после начального мотива отправления в путь на ахкиво), герой пускается в плавание:

Päivän šouti šuovezijä,
toizen šouti muavezijä,
kolmannen järvivezijä.
(ДЛ 199–200: 30–32)

День плыл по болотным водам,
второй — по земным водам,
третий — по озерным водам.

В варианте 1938 г. в третий день пути герой плывет «по водам ламбин» (kolmannen lambivezijä (НА 47/111: 29)). После трехдневного путешествия по воде он приплывает к сестре Анни, которая на берегу стирает белье. Между ними завязывается диалог, во время которого Анни пытается выяснить, куда он отправляется. Герой говорит, что отправился на рыбалку:

Läksin kalan pyyvväntäh,
otin verkkoja venehen täyven,
laivan täyven laškomie.
(ДЛ 199–200: 38–40)

Я пошел на рыбную ловлю,
я взял сеток полную лодку,
целый корабль снастей.

Анни не устраивает ответ брата, и она задает вопрос повторно, на что Вяйнямёйнен сообщает, что поехал жениться. Анни предупреждает героя, что его ждут в пути три смерти, и дальнейший диалог содержит описание смертельных опасностей, поджидающих Вяйнямёйнена.

Данный эпизод имеет два важных момента, требующих пояснения. Во-первых, тема стирающей на берегу девушки и диалог с ней является

традиционной в завязке рун на сюжет «Состязание в сватовстве». Согласно вводной части сюжета, девушка, приходящаяся сестрой кузнецу Илмаринену, стирает на берегу белье и замечает на горизонте лодку с Вайнямёйненом. От путника девушка узнает, что он отправляется свататься, и сообщает об этом брату. Илмаринен едет свататься к той же невесте. В текстах Коргуева отсутствует элемент состязания, сестра кузнеца становится сестрой Вайнямёйнена, и дальнейшее повествование, начиная с описания смертельных опасностей, идет уже в рамках сюжета «Пир в Пяйвёля».

Во-вторых, в репликах героев скрывается противоречие. Герой, отправляющийся жениться, хочет скрыть от девушки истинную цель своего путешествия и придумывает различные отговорки, в данном случае — он якобы, отправляется на рыбалку. Согласно традиционному сюжету, девушка должна уличить героя: он отправился на рыбалку без сетей. Это обстоятельство стимулирует к дальнейшему развитию диалога, где герой выдумывает очередные ложные цели, а девушка их раскрывает, пока в конце концов герой не расскажет об истинной цели своей поездки. В текстах Коргуева герой сообщает, что едет на рыбалку, и у него полная лодка сетей. Поводов для дальнейших сомнений нет. Это является явной оговоркой исполнителя. Фраза Вайнямёйнена «я взял сеток полную лодку, целый корабль снастей» заимствована из ответной реплики сестры, согласно которой «полную лодку сетей брал с собой отец, отправляясь на рыбалку». Очевидное несоответствие в репликах героев, видимо, ощущалось и самим исполнителем: в варианте 1941 г. ответная реплика сестры совсем выпала из текста руны (в тексте 1935 г. фраза обрывается).

Итак, герой сообщает сестре, что отправляется жениться. Сестра предупреждает, что на пути его ждут три смертельные опасности: первая — железная изгородь от земли до неба, опоясанная ящерицами и змеями, жаждущими съесть героя; вторая — огненный орел на огненной березе в огненном пороге; он точит зубы и когти, чтобы убить путника; третья — падение в море. Первые две опасности — змеиная изгородь и огненный орел — являются самыми распространенными в карельском эпосе [3, с. 139–140], третья же — падение в море — совершенно уникальной для этого сюжета. В текстах Коргуева присутствует расхождение в описании третьего препятствия:

1935 г.	Še on šurma, kolmaš šurma: mänet, mereheh kuavut, panet polvella pistyh munan. Mi on munašša ruškieta, Še päiväkši paistanut. Šiitä rupiet itkömäh. (КЭП г: 41–46)	Та смерть, третья смерть: пойдешь, в море упадешь, положишь на колено стоя(!) яйцо. Что в яйце желток, то солнышком светило. Потом начнешь плакать.
1938 г.	Še on šurma, kolmas šurma, ku menet, mereh kuavut, panet polven pystyihin i rubiet itkemäh. (НА 47/III: 70–73)	Та смерть, третья смерть — как пойдешь, в море упадешь, поднимешь колено вверх и начнешь плакать.
1941 г.	Še on šurma, kolmaš šurma, kuin mänet, merehe kuavut, panet polven pystyhe! (ДЛ 199–200: 75–77)	Та смерть, третья смерть — как пойдешь, в море упадешь, поднимешь колено вверх!

Мотивы падения в море, поднятия колена из воды, образования солнца из желтка яйца заимствованы исполнителем из сюжета «Сотворение мира», где Вяйнямёйнен, сраженный стрелой антагониста, падает в водное пространство, а на его колене, поднятом из воды, птица сносит мировое яйцо. Из частей яйца впоследствии создается мир: из нижней половины яйца — земля, из верхней — небо, из желтка — солнце, из белка — луна, из крошек — звезды [3, с. 36]. В тексте 1935 г. обращает на себя внимание появление яйца без традиционного орнитоморфного демиурга (птицы), что не соответствует эпической традиции Карелии. Нарочито фрагментированным выглядит и упоминание о рождении лишь солнца. Хотя такое сужение развернутого повествования генезиса мироздания к одному мотиву (созданию какой-нибудь одной части) можно объяснить угасанием эпической традиции. Отметим, что в текстах Коргуева отсутствуют способы преодоления смертельных преград (подробнее о способах: [3, с. 139–141]).

Сюжет «Сотворение мира» в севернокарельской эпической традиции, как правило, контаминируется с сюжетом «Путешествие в Похьёлу» (известным также как микроэпос «Цикл сампо»). Согласно сюжету, после рождения мироздания герой прибывает к берегу чужой страны, хозяйка слышит плач героя, спасает его и в обмен на возвращение домой просит выковать сампо.

Подобную контаминацию наблюдаем и в текстах Коргуева, однако возвращаться домой герой не собирается. Оказавшись в море (и создав солнце по тексту 1935 г.), герой начинает плакать. Его плач слышит «баба Похьи, дед Похьи, прежняя хозяйка Похьи», которая вышла на улицу вынести подметенный мусор из избы (в варианте 1941 г. мотивы подметания избы и вынесения мусора отсутствуют). На маленькой лодочке хозяйка Похьи спасает героя, приводит его в дом. Вяйнямёйнен просит у нее дочь в жены (в варианте 1938 г.) либо сообщает, что «пришел к ней жениться» (1941 г.) или «пришел сюда, чтобы жениться» (1935 г.). Хозяйка Похьи соглашается (в тексте 1938 г. отдает дочь замуж) и подносит гостю кружку пенного пива (в варианте 1941 г. мотив подношения пива перенесен исполнителем в заключительную часть текста):

Andau akka tyttären
i andau hänelle olutta.
Kettu piällä, kettu ualla,
kettu keskellä välii.
(НА 47/III: 94–97)

Отдает баба дочь
и подает ему пива.
Пена сверху, пена снизу,
пена посередине.

Выпив пива, Вяйнямёйнен из незваного гостя превращается в хозяина и произносит приглашение на свадьбу:

Nyt kaikki häih i tulgah,
šokiet venehin šoudakkah,
rammat raččahin ajakkah.
Vain ei yhtä Kagomieltä.
(НА 47/III: 99–102)

Теперь все на свадьбу пусть приходят,
слепые на лодках пусть гребут,
хромые верхом пусть едут.
Только не [зовите] Кагомиели!

В вариантах 1935 г. и 1941 г. первый стих приведенного абзаца («Теперь все на свадьбу пусть приходят») отсутствует.

Далее повествование возвращается в русло сюжета «Пир в Пяйвёля», а незванным гостем становится Кагомиели / Каакомиели (фонетический вариант Кагомиели (Kagomieli) представлен в рукописном варианте 1938 г., хотя на аудиозаписи 1941 г. слышен иной вариант произношения — Каакомиели (Kaakomieli)). Гость является на свадьбу и на вопрос «Зачем явился

незванным?» заявляет, что «лишь собака на зов идет, хорошая птица — ради движения» (ДЛ 199–200: 93–94), после чего вызывает Вяйнямёйнена на поединок (в тексте 1938 г. инициатива, наоборот, принадлежит Вяйнямёйнену). Вызовом на бой вариант 1941 г. заканчивается.

Два других текста продолжают описанием поединка. Герои уступают друг другу право нанесения первого удара:

Kagomieli i šanou: “Šivalla iellä, Väinämöini!” A Väinämöini šanou: “Šivalla iellä, Kagomieli!” (НА 47/III: 117–120)	Кагомиели и говорит: «Ударь первым, Вяйнямёйни!» А Вяйнямёйни говорит: «Ударь первым, Кагомиели!»
--	--

Достав нож из ножен, вместо удара Кагомиели вдруг начинает сотворять крест над пивом, после чего выпивает его:

Kagomieli otti veičen huodrašta, tuiman ravvan tupešta, vejälädi oluvat ristī, joi oluvat onnekše. (НА 47/III: 121–124)	Кагомиели достал нож из ножен, буйное железо — из чехла, сотворил над пивом крест, выпил пиво себе на счастье.
---	---

Мотив крещения и угощения пивом явно выбился из более раннего эпизода о подношении кружки с этим напитком. Эпизод угощения гостя пивом в вариантах Коргуева дробится, меняет места в тексте и непонятен слушателю / читателю. Между тем этот эпизод является одним из наиболее популярных в карельском эпосе [3, с. 143]. Герою подносят кружку / ушат с пенным напитком, который кишит змеями, червями и лягушками. Уничтожив всех гадов (выловив их удочкой либо перекрестив мечом), герой выпивает пиво. В коргуевских текстах хтонических существ в напитке нет, поэтому становится непонятным мотив «крещения пива» ножом / мечом. Утерянную связь между звеньями повествования исполнитель, видимо, компенсировал тем, что связал мотив крещения и выпивания пива не с подношением напитка, а с доставанием меча перед поединком.

Выпив пива, Кагомиели вновь предлагает Вяйнямёйнену ударить, но попытка не удается:

Väinämöini ku šivaldi,
kuin kiveh kil'l'ahti.
(НА 47/III: 127–128)

Вяйнямёйни как ударил,
словно по камню стукнул.

Ответный удар оказывается для Вяйнямёйнена роковым. На «правах» хозяина праздника он убит незванным гостем:

Kagomieli ku šivaldi,
lippai piän, kuin livun lumelda,
niin ku nuatin nagrehelda.
(НА 47/III: 129–131)

Кагомиели как ударил,
снес голову, как поземку со снега,
как ботву с репы.

Рассмотренный эпизод, начиная с описания смертельных опасностей, построен на переплетении сюжетов «Пир в Пяйвёля» и «Путешествие в Похьёлу». Согласно сюжету «Пир в Пяйвёля» (основа которого, как показали наши исследования, стабильна на всей карельской территории бытования [3, с. 138]), герой — как правило Лемминкяйнен, узнав, что его не позвали на праздник, отправляется туда незванным гостем. Преодолев в пути все смертельные опасности, предсказанные ему матерью, он попадает на пир, где вступает в поединок с хозяином дома и убивает его (редко оказывается убит сам).

В текстах Коргуева сестра Вяйнямёйнена принимает на себя функции матери, а Вяйнямёйнен — функции героя, который отправляется незванным гостем на пир. Остальное повествование, хотя и является довольно схематичным и лишенным некоторых традиционных мотивов (например, отсутствуют способы преодоления смертельных препятствий), соответствует карельской эпической традиции.

Отметим, что финальный стих из текста 1935 г. (Šiitä Kaakomieli gurieu painah. Потом Каакомиели женится (КЭП I: 98)) не находит соответствия ни в текстах 1938 г. и 1941 г., ни в вариантах рунопевцев Карелии. Как правило, незванный гость, убивший хозяина пира, вынужден бежать и искать укрытия на Острове (SKVR I₂ 758, 801, VII₁ 799, 832 и др.) [3, с. 143].

Сюжеты коргуевских рун объединены вокруг главного героя — Вьянямёйнена. Это вполне согласуется с традицией, ведь имя этого героя встречается во всех использованных Коргуевым сюжетах, записанных и от других рунопевцев. Вьянямёйнен традиционно является главным персонажем в сюжетах «Сотворение мира», «Путешествие в Похьёлу», «Состязание в сватовстве»; реже он занимается поиском дерева лодки (SKVR I₁ 332, 344, VII₁ 337, 338, КЭП 163, 176) или отправляется в Пяйвёля (SKVR I₂ 812, 855). Гибель Вьянямёйнена на поединке в качестве хозяина пира является уникальной интерпретацией судьбы героя. Из всех вариантов рун на сюжет «Пир в Пяйвёля», привлеченных нами для сопоставления, Вьянямёйнен гибнет лишь однажды от меча молодого парня Вейтиikki, будучи — что важно — лишь нежеланным гостем (SKVR I₂ 826, текст записал А. Шёгрэн в 1825 г. в с. Ухта (ныне пос. Калевала) от Ёухко Хуотарини).

В целом, объединение сюжетов вокруг некоторых тем или вокруг одного из героев (так называемый микроэпос) было зафиксировано на севере Карелии (например, «Цикл сампо» — SKVR I₁ 9, 20, 21, 30, 60 и др.). Циклизация сюжетов, присущая в первую очередь севернокарельской эпической традиции, отмечается и в работе Э.Г. Рахимовой (в качестве проблемы при издании текстов рун Беломорской Карелии) [8]. В этом смысле руны М. Коргуева не являются исключением. Тенденция к циклизации была характерна и для сказочного творчества М. Коргуева. Его сказки, по словам А.Н. Нечаева, отличались объемом и представляли собой «сложную контаминацию различных мотивов, а иногда и целых сюжетов, искусно соединенных в новой композиции» [6, с. XLVI].

Итак, в общей сложности от М. Коргуева записаны три карельские руны. Наличие рассмотренных сюжетов и мотивов в каждом из текстов можно представить в виде таблицы:

сю- жет ¹⁶	1935 г. (98 стихов)	1938 г. (131 стих)	1941 г. (100 стихов)
	Отправление на женитьбу на ахкиво	Отправление на женитьбу на ахкиво	Отправление на женитьбу на ахкиво
1	–	Герой идет три дня Диалог с деревом Срубание дерева Изготовление лодки	Герой идет три дня Диалог с деревом Изготовление лодки
2	Герой плывет три дня Девушка на берегу (стирает белье) Диалог девушки и героя, который лжет о цели пути	Герой плывет три дня Девушка на берегу (стирает белье) Диалог девушки и героя, который лжет о цели пути	Герой плывет три дня Девушка на берегу (стирает белье) Диалог девушки и героя, который лжет о цели пути
3	Предостережения (смерти / опасности на пути): 1. Огненный орел 2. Змеиная изго- родь	Предостережения (смерти / опасности на пути): 1. Змеиная изгородь 2. Огненный орел	Предостережения (смерти / опасности на пути): 1. Змеиная изгородь 2. Огненный орел
4	3. Падение в море Рождение солнца из желтка	3. Падение в море	3. Падение в море
5	Хозяйка Похьи слышит плач героя, подметает избу, выносит мусор, на лодке спасает героя	Хозяйка Похьи подметает избу, выносит мусор, слышит плач героя, на лодке спасает героя Хозяйка Похьи отдает дочь замуж	Хозяйка Похьи слышит плач героя, на лодке спасает героя

16 Сюжет № 1 – «Поиски дерева для лодки», № 2 – «Состязание в сватовстве», № 3, 6 – «Пир в Пяйвёля», № 4, 5 – «Путешествие в Похьёлу» (включая «Сотворение мира»).

6	<p>Приглашение на свадьбу</p> <p>Угощение пивом</p> <p>Диалог с незванным гостем</p> <p>Поединок с незванным гостем</p> <p>Незванный гость убивает хозяина пира</p> <p>Незванный гость женится</p>	<p>Угощение пивом</p> <p>Приглашение на свадьбу</p> <p>Диалог с незванным гостем</p> <p>Поединок с незванным гостем</p> <p>Незванный гость убивает хозяина пира</p>	<p>Приглашение на свадьбу</p> <p>Диалог с незванным гостем</p> <p>Угощение пивом</p>
---	--	--	---

Из всех представленных мотивов сюжетообразующими (выделены в таблице полужирным шрифтом) являются мотивы из графы № 1 (сюжет «Поиски дерева для лодки») и № 3, 6 (сюжет «Пир в Пяйвёля»). Остальные мотивы заимствованы исполнителем из рун на другие сюжеты и не носят доминантного характера: графа № 2 — «Состязание в сватовстве», графы № 4, 5 — «Путешествие в Похьёлу» (включая «Сотворение мира»).

Таким образом, тексты 1938 г. и 1941 г. являются вариантами эпической руны с контаминацией сюжетов «Поиски дерева для лодки» и «Пир в Пяйвёля», тогда как текст 1935 г. содержит лишь сюжет «Пир в Пяйвёля». При этом все тексты имеют композицию, осложненную вкраплением мотивов из сюжетов «Состязание в сватовстве» и «Путешествие в Похьёлу». Текст 1935 г. содержит мотив рождения солнца из желтка, принадлежащий сюжету «Сотворение мира». Схожей контаминационной последовательности сюжетов и мотивов среди текстов карельских рун других исполнителей Карелии нами не выявлено, поэтому необходимо признать композицию рун Коргуева оригинальной.

Большинство выявленных в текстах М. Коргуева мотивов являются традиционными для карельской эпической поэзии: диалог с деревом, изготовление лодки, девушка на берегу (стирает белье), диалог девушки и героя, который лжет о цели пути, предостережения (смерти / опасности на пути), угощение пивом, приглашение на свадьбу, диалог и поединок с незванным

гостем, незванный гость убивает хозяина пира, падение в море, рождение солнца из желтка. Уникальными являются мотивы отправления на женитьбу на ахкиво и женитьба незваного гостя, убившего хозяина пира. Оригинальными представляются некоторые детали повествования: падение в море в качестве третьего смертельного испытания, создание части мироздания из яйца без участия орнитоморфного демиурга, смерть Вайнямёйна в качестве хозяина пира.

Сопоставительный анализ текстов рун М. Коргуева с текстами рун, записанных в Карелии в XIX–XX вв., позволяет сделать вывод о том, что руническое творчество сказителя по сюжетно-мотивному составу соответствует фольклорной традиции Кестеньгского края и — шире — Северной Карелии. Наличие некоторых уникальных мотивов и оригинальных деталей может, с одной стороны, быть следствием забвения традиции рунопения, с другой — быть отголоском бытования некоей эпической традиции, присущей лишь данному региону и до сих пор являющейся малоизученной.

Список литературы

Исследования

- 1 *Базанов В.Г.* Народная словесность Карелии. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 280 с.
- 2 *Иванова Т.Г.* К вопросу о контаминации в волшебной сказке: (на материале беломорских сказок) // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 233–247.
- 3 *Кундозерова М.В.* Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск: Кундозерова М.В., 2020. 232 с.
- 4 *Марковская Е.В.* Коллекция записей «на костях» Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Кижский вестник. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. Вып. 17. С. 200–205.
- 5 *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 1963. 462 с.
- 6 *Нечаев А.Н.* М.М. Коргуев и его сказки // Сказки Карельского Беломорья. Петрозаводск: Карельское гос. изд-во, 1939. Т. 1. Кн. 1: Сказки М.М. Коргуева. С. IX–LXII.
- 7 *Онегина Н.Ф., Пахомова М.Ф.* Талант сказочника // Ленинская правда. 1978. 10 авг. С. 3.
- 8 *Рахимова Э.Г.* Проблема циклизации сюжетов при эдичии калевальских рун, бытовавших в Беломорской Карелии в конце XIX – начале XX веков // Традиционная культура. 2008. Т. 9, № 3. С. 3–16.
- 9 *Рахимова Э.Г.* Прощание героя с матерью в рунах калевальской метрики // Традиционная культура. 2015. Т. 16, № 4. С. 119–126.
- 10 *Сенькина Т.И.* Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Очерки и материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 218 с.
- 11 *Сенькина Т.И.* Сказочник М.М. Коргуев: (О двух особенностях исполнительской манеры) // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. С. 60–70.
- 12 *Сенькина Т.И.* Типы русских сказочников Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1987. С. 60–74.
- 13 *Урванцева Н.Г.* Сказители Карельского Поморья: аннотированный библиографический указатель // CARELiCA: научный электронный журнал. 2017. № 2 (18). С. 9–24. DOI: 10.15393/j14.art.2017.99
- 14 *Чистов К.В.* Русские сказители Карелии: очерки и воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1980. 256 с.
- 15 *Frog. Baldr and Lemminkäinen.* Approaching the Evolution of Mythological Narrative through the Activating Power of Expression. A Case Study in Germanic and Finno-

- Karelian Cultural Contact and Exchange: Doctoral thesis. London: University College London, 2010. 470 p.
- 16 *Haavio M.* Suomalainen mytologia. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1967. 543 s.
- 17 *Harvilahti L., Rahimova E.* Lemminkäinen: Adventure-Loving Braggart or Mythic Hero? // *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions* / ed. by Frog, A.-L. Siikala, E. Stepanova. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. S. 68–81.
- 18 *Krohn J.* Suomalaisen kirjallisuuden historia I. Kalevala. Helsinki: Weilin&Göös, 1885. 612 s.
- 19 *Krohn K.* Kalevalan runojen historia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1903. 895 s.
- 20 *Rahimova E.* Euraasialaisen epiikan arkaaisia elementtejä. Saarelaisepiikka verrattuna venäläisiin sankaribyliinoin (Dobrynja ja lohikäärme- ja Djuk-bylinaan) // *Elore*. 1998. Vol. 5. № 1. URL: <https://journal.fi/elore/article/view/78249/39148> (дата обращения: 20.10.2022). <https://doi.org/10.30666/elore.78249>
- 21 *Siikala A.-L.* Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s.
- 22 Suomen kirjallisuus. I. Kirjoittamaton kirjallisuus / toim. M. Kuusi, S. Konsala. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1963. 655 s.

Источники

- 23 Карело-финский народный эпос: в 2 кн. / сост., вступ. ст., пер., примеч. В.Я. Евсеева. М.: Восточная литература, 1994. Кн. 1. 476 с.
- 24 Карельские эпические песни / предисл., подгот. текстов и коммент. В.Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с.
- 25 Песенный фольклор кестеньгских карел = Kiestingin kanšanluluja. 2-е изд., испр. / сост. Н.А. Лавонен, науч. ред. А.С. Степанова, отв. ред. 2-го изд. М.В. Кундозерова. Петрозаводск: Periodika, 2020. 320 с.
- 26 Anuksen karjalazien eppizet pajot / kokoonpannut V. Mironova. Petroskoi: Periodika, 2007. 448 s.
- 27 Karjalan kansan runot. I osa / kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn: Eesti Raamat, 1976. 360 s.
- 28 Suomen kansan vanhat runot. I, II, VII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1908–1933.

References

- 1 Bazanov, V.G. *Narodnaia slovesnost' Karelii* [*Folk Literature of Karelia*]. Petrozavodsk, Karelian-Finnish SSR Publ., 1947. 280 p. (In Russ.)
- 2 Ivanova, T.G. “K voprosu o kontaminatsii v volshebnoi skazke: (na materiale belomorskikh skazok)” [“On the Question of Contamination in a Fairy Tale: (on the Material of the White Sea Fairy Tales)”]. *Russkii Sever: problemy etnografii i fol'klora* [*Russian North: Problems of Ethnography and Folklore*]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 233–247. (In Russ.)
- 3 Kundozerova, M.V. *Kontsept mirozdaniia v karel'skikh runakh* [*The Concept of the Universe in Karelian Runes*]. Petrozavodsk, Kundozerova M.V. Publ., 2020. 232 p. (In Russ.)
- 4 Markovskaia, E.V. “Kolleksiia zapisei ‘na kostiakh’ Fonogrammarkhiva IIA LI KarNTs RAN” [“Collection of Records ‘On the Bones’ of the Phonogram Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences”]. *Kizhskii vestnik* [*Kizhi Bulletin*], part 17. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 200–205. (In Russ.)
- 5 Meletinskii, E.M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: Rannie formy i arkhaiskie pamiatniki* [*The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1963. 462 p. (In Russ.)
- 6 Nechaev, A.N. “M.M. Korguev i ego skazki” [“M.M. Korguev and His Fairy Tales”]. *Skazki Karel'skogo Belomor'ia* [*Tales of the Karelian White Sea*]. Petrozavodsk, Karelian State Publ., 1939, pp. IX–LXII. (In Russ.)
- 7 Onegina, N.F., and M.F. Pakhomova, editors. “Talant skazochnika” [“Storyteller Talent”]. *Leninskaiia Pravda*, 10 August, 1978, p. 3. (In Russ.)
- 8 Rakhimova, E.G. “Problema tsiklizatsii siuzhetov pri editsii kaleval'skikh run, bytovavshikh v Belomorskoj Karelii v kontse XIX – nachale XX vekov” [“The Problem of Cyclization of Plots During the Edition of the Kalevala Runes that Existed in the White Sea Karelia in the Late 19th – Early 20th Centuries”]. *Traditsionnaia kul'tura*, vol. 9, no. 3, 2008, pp. 3–16. (In Russ.)
- 9 Rakhimova, E.G. “Proshchanie geroia s mater'iu v runakh kaleval'skoi metriki” [“The Hero's Farewell to His Mother in the Runes of the Kalevala Metric”]. *Traditsionnaia kul'tura*, vol. 16, no. 4, 2015, pp. 119–126. (In Russ.)
- 10 Sen'kina, T.I. *Zabytye i neizvestnye stranitsy istorii fol'kloristiki Karelii: ocherki i materialy* [*Forgotten and Unknown Pages of the History of Karelia Folklore: Essays and Materials*]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 218 p. (In Russ.)
- 11 Sen'kina, T.I. “Skazochnik M.M. Korguev: (O dvukh osobennostiakh ispolnitel'skoi manery)” [“Storyteller M.M. Korguev: (On Two Features of the Performing Manner)”]. *Problemy literatury Karelii i Finliandii* [*Problems of Literature in Karelia and Finland*].

- Petrozavodsk, Karelian Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1988, pp. 60–70. (In Russ.)
- 12 Sen'kina, T.I. "Tipy russkikh skazochnikov Karelii" ["Types of Russian Storytellers of Karelia"]. *Fol'kloristika Karelii [Folkloristics of Karelia]*. Petrozavodsk, Karelian Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1987, pp. 60–74. (In Russ.)
- 13 Urvantseva, N.G. "Skaziteli Karel'skogo Pomor'ia: annotirovannyi bibliograficheski ukazatel'" ["Storytellers of the Karelian Pomor Region: An Annotated Bibliographic Index"]. *CARELiCA*, no. 2 (18), 2017, pp. 9–24. DOI: 10.15393/j14.art.2017.99 (In Russ.)
- 14 Chistov, K.V. *Russkie skaziteli Karelii: ocherki i vospominaniia [Russian Storytellers of Karelia: Essays and Memoirs]*. Petrozavodsk, Kareliia Publ., 1980. 256 p. (In Russ.)
- 15 Frog, Baldr and Lemminkäinen. *Approaching the Evolution of Mythological Narrative through the Activating Power of Expression. A Case Study in Germanic and Finno-Karelian Cultural Contact and Exchange: PhD Thesis*. London, University College London, 2010. 470 p. (In English)
- 16 Haavio, Martti. *Suomalainen mytologia*. Porvoo, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1967. 543 s. (In Finnish)
- 17 Harvilahti, Lauri, and Elina Rahimova. "Lemminkäinen: Adventure-Loving Braggart or Mythic Hero?" Frog, A.-L. Siikala, and E. Stepanova, editors. *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012, pp. 68–81. (In English)
- 18 Krohn, Julius. *Suomalaisen kirjallisuuden historia I. Kalevala*. Helsinki, Weilin&Göös, 1885. 612 s. (In Finnish)
- 19 Krohn, Kaarle. *Kalevalan runojen historia*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1903. 895 s. (In Finnish)
- 20 Rahimova, Elina. "Euraasialaisen epiikan arkaaisia elementtejä. Saarelaisepiikka verrattuna venäläisiin sankaribylinoihin (Dobrynja ja lohikäärme ja Djuk-byliinaan)." *Elore*, no. 5(1), 1998. Available at: <https://journal.fi/elore/article/view/78249/39148> (Accessed 20 October 2022). <https://doi.org/10.30666/elore.78249> (In Finnish)
- 21 Siikala, Anna-Leena. *Itämerensuomalaisten mytologia*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s. (In Finnish)
- 22 *Suomen kirjallisuus. I. Kirjoittamaton kirjallisuus*, toim. Matti Kuusi, Simo Konsala. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1963. 655 s. (In Finnish)